

Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Начиная с третьего номера, редакция приступает к печатанию серии очерков Д. А. Быстролетова о его поездках по странам Африки — «По следам одного путешествия».

Рассказ ведется от имени голландского художника ван Эмонта, человека, далекого от политики, приехавшего в Африку в поисках «экзотических» сюжетов для своих рисунков. Но условия жизни в «об-разцовой» бельгийской колонии заставляют путешественника сталки-ваться с фактами, свидетельствующими об отвратительной изнанке деятельности «носителей европейской цивилизации».

Очерки иллюстрированы рисунками автора.

КОЛОНИЗАТОРЫ РАЗВЛЕКАЮТСЯ

О Ч Е Р К П Е Р В Ы Й

ПОЕДИНОК С КРОКОДИЛОМ

ЧАСТЫЙ в Конго послеполуденный дождь кончился. Над рекой светлеет. На палубе люди снимают с голов и плеч листья. Нако-нец слышится смех. Это черные носильщики. Им роздали пищу. Они счастливы. Несколько белых пассажиров на верхней крытой палубе тоже облег-ченно вздыхают.

— Господа, — подходит к ним капитан, — хотите видеть маленькое представление, гладиаторский бой, но не в римском Колизее, а на африканской реке? За остановку судна я возьму немного, но преду-преждаю — зрелище не для нервных!

— Я уже видел, надоело, — кричит бельгийский полковник, мельком взглянув на отмель. — Но да-вайте ваш черномазый Колизей — до ужина еще далеко.

Остальные трое — британский консул, француз-ский миссионер и голландский художник — кивают головами.

Движение руля — и суденышко осторожно под-ходит совсем близко к берегу, прямо к песчаной косе. Капитан спускается на палубу, приближается к группе сидящих на корточках рабочих и рассма-тривает их сверху.

— Ты, поднимайся! — тычет он в голову одному. — Пошел! Живо!

Африканец нехотя поднимается. Он не понимает, в чем дело. Это молодой парень атлетического сложения, нечто среднее между человеком и ста-туей греческого бога.

— Пошел, скот! Пошел, животное! — налетает на него тщедушный капитан и начинает свирепо толкать к борту. Могучий бог сопротивляется, но вяло: он не смеет поднять руку на белого. Капитан волочит его за курчавые волосы, дает сильный пи-нок ногой, и бог летит за борт.

— Что за черт, ведь в этом заливчике вода полна крокодилов! — говорит ван Эмонт, голландский ху-дожник.

— Тем лучше, — бурчит полковник Спаак.

Бой ставит кресла вдоль борта и подает новую порцию льда, сифон содовой воды и бутылку виски. Сигареты тут же на столике, под рукой.

Несколькими резкими и сильными движениями но-сильщик проплывает глубокое место и потом стре-мительно бежит по мелководью, в туче брызг и пены. Вот он на песке, целый и невредимый. Ми-нуту он тяжело дышит.

По прибрежным кустам и деревьям ползут тон-кие и гибкие лианы. Юноша перекусывает их и быстро вьет жгут метра в полтора длиной. Крепкий, как железный трос. Перекинув его на шею, он осторожно идет вперед.

Вдоль по берегу спят крокодилы — носом к лесу, хвостами к воде. Они похожи на ряд толстых бревен. При приближении человека шагов на десять хищники просыпаются и нехотя по очереди пятятся в воду. Заспавшихся носильщик вовремя будит легкими ударами в ладоши. Он выбирает. Вот особенно страшный экземпляр — бронированное чудовище метра три длиной.

— Этот? — носильщик молча спрашивает капи-тана движением руки.

— Ладно, этот! Давай! — кричит капитан с мостика. Носильщик, шедший до сих пор размеренно и осторожно, вдруг делает несколько быстрых шагов, подбегает к чудовищу и громко вскрикивает у самой его пасти.

С палубы видно, как крокодил вздрагивает, испуганно открывает глаза и инстинктивно делает движение назад, в воду. Он хотел бы удрать, как и все. Но человек не дал ему времени. Тогда по закону джунглей крокодил принимает вызов на смертный бой. Он громко хрипит и сильно дышит, секунды мнется на месте и затем начинает медленно выползать из воды. Человек на согнутых ногах пятится назад и выводит чудовище на полосу сырого песка вдоль воды. Потом вскрикивает и останавливается, прижав локти к бокам и выставив вперед предплечья и сложенные вместе ладони, которые изображают челюсти. Теперь человек по росту и по длине «пасти» соответствует крокодилу и в понимании гадины, очевидно, является противником с равными возможностями для борьбы. Крик и остановка означают, что напавшая сторона выбрала позицию, и крокодил, до этого момента медленно, как загипнотизированный, шедший за человеком, тоже останавливается.

Это было невероятное зрелище: обнаженный красавец и отвратительное чудовище, оба с раздувающимися боками, оба готовы драться насмерть!

Между бойцами осталось около трех метров. Вдруг крокодил шумно вздохнул, приоткрыл пасть и, тяжело ворочая когтистыми вывороченными лапами, сделал маленький шаг вперед. Африканец, имитируя животное, так же шумно вздохнул, так же приоткрыл сложенные руки и ладони и сделал такой же шаг вперед на подогнутых ногах.

На пароходе все замерли: носильщики, пассажиры, капитан. Не все ли равно, что некоторые уже видели это жуткое представление? Капли пота повисли на белых и черных носах, все стали дышать вместе с двумя смертниками на берегу: хрипло переведут дыхание они — и в ответ хрипло переведет дыхание весь пароход. Полупьяный капитан перегнулся через борт с потухшей сигаретой в руках, замер с трубкой в зубах консул, стоит мальчик-слуга — он опрокинул стакан на подносе, и вода капает на палубу; и этот звук в звенящей тишине кажется ударами молота и все же никого не приводит в себя, только мелко-мелко шепчет помертвевшими губами отец Доменик все одно и то же слово: «Амен... Амен... Амен...»

Шажок... Хриплый вздох и почти незаметное раскрытие действительных и мнимых челюстей... Шажок... И снова хриплый вздох, и новое движение челюстями и руками, вытянутыми от прижатых к бокам локтей...

Вот обе челюсти раскрыты до предела, шажок... Теперь все дело в расстоянии. Крокодил нападает с расстояния, которое он инстинктивно определяет сам. Оно равно последнему шагу плюс наклон вперед всего туловища. Поймет ли юноша, какой шаг чудовища предпоследний? То медленное движение, за которым грянет молниеносный рывок вперед?

Еще... И вдруг африканец стремительно поднимается, делает недоступный крокодилу длинный шаг, одновременно далеко выбрасывая вперед руки на всю их недоступную для пресмыкающегося длину, и легко ударяет ладонями крокодильи челюсти — верхнюю — вниз, нижнюю — вверх.

Крак!

Гулко щелкает захлопнувшаяся пасть, словно упала крышка тяжелого кованого сундука. В то же мгновение человек бросается на животное грудью, обхватывает его морду и обвивает ее жгутом в том месте, где челюсти сужаются и сверху напоминают гитару. Еще одно мгновение — и мощным толчком человек перекидывает побежденного на спину.

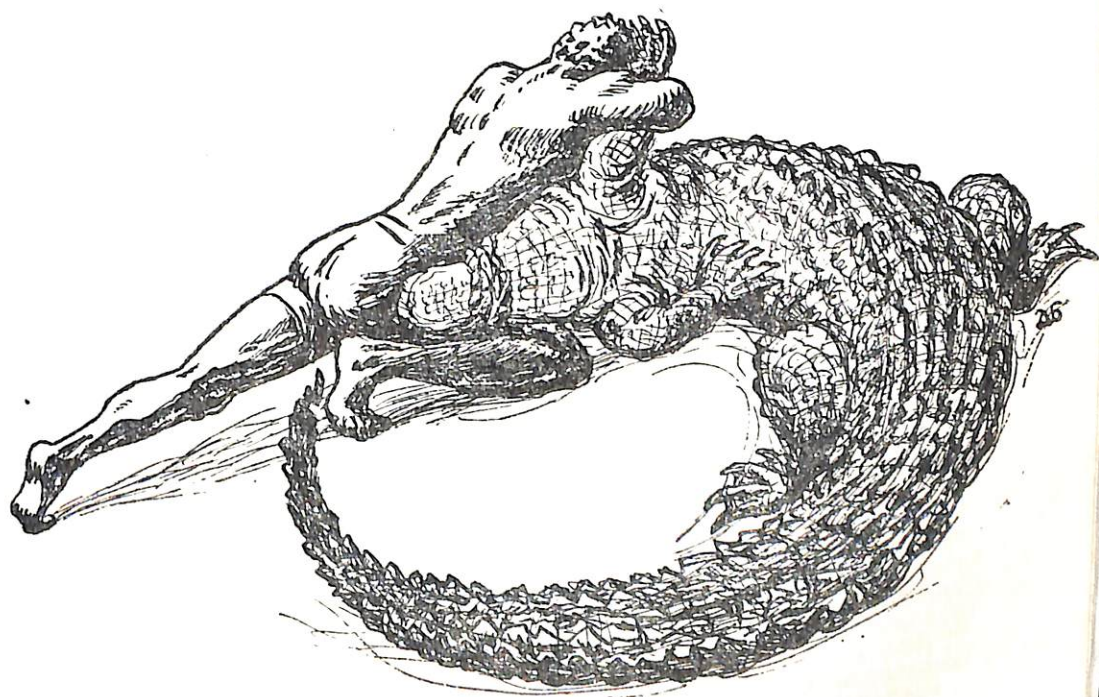
Над чудовищем стоит черный юноша, подняв обе руки кверху в знак торжества и победы. Это не негр, похожий на древнегреческого бога: те совершали только выдуманные подвиги. Это живой и прекрасный африканский бог, на глазах у всех голыми руками победивший дракона!

Минуту зрители молчат, совершенно одурев от напряжения. Потом медленно вытирают пот. Приходят в себя, затем пароход разражается бурей аплодисментов и приветственных криков. Кричат во все горло и неистово машут руками носильщики. Долго над рекой несется гром оваций. В конце концов все постепенно стихает, и мистер Крэги наливает себе виски, добавляет кусочек льда и газированную воду.

— Почему так легко захлопнулись челюсти крокодила? — спрашивает художник.

— Потому что он раскрыл их до физиологического предела и затем мышцы-раскрыватели выключились и мышцы-закрыватели приготовились к действию, — отвечает консул. — Один легкий толчок — и пасть захлопнулась.

На верхней палубе воцарилось блаженное молчание — заслуженный отдых после щекотания собственных нервов.

ПОЛКОВНИК СПААК ОБМАНУЛ

Нет лучше времени в Конго, чем вечер. Дождь к этому времени всегда кончается, показывается мягкое солнце. Настает прекраснейший час настоящего отдыха. Так было и в этот вечер. Тент сняли, чтобы над головой кротко засияло золотисто-голубое небо, переменили отсыревшую скатерть, что сразу сделало стол уютным, и подали ужин. Целый день пассажиры что-то нехотя жевали и без всякого желания тянули коньяк и виски со льдом. Но вечер настал, и появился аппетит. Все захопotalи у стола, вынимая из чемодана свертки и бутылки, новые пачки сигарет и кипы бумажных салфеток. Пассажиры дружно принялись за еду. Потом откинулись в шезлонгах, закурили.

— Обратили внимание, как герой утреннего представления лихо расправился с бутылкой виски? — спросил отец Доменик.

— Он выпил бутылку из горлышка, не отрываясь!

— Да, молодчина!

— А если такое представление вам, господа, понравилось, то я его повторю. Но иначе. Смотрите! Полковник схватил со стола бутылку коньяка, пошел к перилам и свесился вниз.

— Эй, вы, там! Носильщики! Смотрите, вот бутылка коньяка! Кто хочет ее выпить? А? Это будет хорошим добавком к ужину!

Ужинавшие рабочие подняли головы. Те, кто хуже знал французский язык, вполголоса спросили товарищей о смысле слов большого белого начальника.

— Ну, кто хочет выпить?

Полковник протянул руку с бутылкой над людьми. Сразу вскочили все.

— Остановите свою калошу! — скомандовал полковник капитану. А когда пароход остановился и десяток черных мускулистых рук потянулся к бутылке, полковник неожиданно размахнулся и бросил бутылку подальше в воду. На коричневой глади сейчас же показалось горлышко и медленно поплыло вниз по течению, лениво покачиваясь и маня.

Толпа вздрогнула, загудела. Все бросилось к борту, пожирая глазами заветную бутылку. Потом один человек встал на борт, набожно перекрестился и бросился в воду. Сейчас же в коричневой мути неясно метнулось другое, длинное, мощное и удивительно проворное тело — огромный крокодил.

Все замерли. Началось новое представление из цикла «Рим в Конго».

Носильщик быстро подплыл к бутылке и схватил ее за горлышко. Потом развернулся и направился к пароходу. Гечение уже отнесло бутылку шагов на 30—50, и крокодил, метнувшись в сторону, сделал широкий круг и занял исходные позиции для нападения. Его движения были ясно видны по завихрениям и ряби на зеркальной поверхности реки. Хорошо видны и зрителям на пароходе, и самому гладиатору. Африканец поплыл равномерно, не быстро и не медленно, видимо, стараясь сохранять развзятую скорость. То же сделало и животное: оно так же равномерно плыло наперерез, и с парохода уже точно угадывалось место, где противники неизбежно встретятся. Крики «Крокодил!» «Смотри влево!» «Он плывет наперерез!» — слышались. Все поняли, что смельчак уже сам оценил ситуацию и приготовился. Но как? С бутылкой в руке? Капли пота опять выступили на лбах.

Вот человек заметно ускорил движение. То же сделало и чудовище. Место скрещения их путей не изменилось. И с бьющимися сердцами зрители смотрели в эту страшную точку.

Человек, еле двигая рукой с драгоценной бутылкой, вдруг бешено заработал ногами. Полосочки пены потянулись за его плечами. Без всякого напряжения крокодил также прибавил скорость. На поверхности речной воды четко обозначилась пенная линия, как над идущей вперед боевой торпедой. Точка скрещения — та же.

Десять шагов! Пять! Ком стал поперек горла.

Выпучив глаза и открыв рот, зрители смотрят только в роковую точку. Только туда. И краем глаза, нет, всем существом своим чувствуют скользкие туда же два тела — легкое, теплое и хрупкое и закованное в броню, тяжелое и холодное. Беззащитное и вооруженное рядами убийственных резцов...

Три!

Сотни глаз уперлись в одну общую точку на спокойной воде. Не стремительно и легко доплыв почти до перекреста, всего в полуметре от него, африканец вдруг тормозит, делая отчаянные движения руками назад. Он мгновенно теряет скорость, и страшное чудовище с широко раскрытой пастью, как запущенный со слепой силой гигантский утюг, нелепо пронесется мимо, задев боком и лапами грудь человека.

Поняв, что его одурачили, пресмыкающееся делает крутой поворот. Сноп брызг летят в воздух...

Поздно!

Десяток рук уже подхватывает человека. Под его поджатыми ногами чудовище пронесется обратно — и снова напрасно! И бешеный лязг зубов вызывает взрыв общего истерического смеха.

Наступил торжественный момент награды за игру со смертью!

Широко расставив ноги, герой стоит среди восхищенных товарищей, держа в руках драгоценную бутылку. Он еще весь в упоении борьбы, и струйки воды стекают по напряженно вздрагивающему телу. Под общие аплодисменты он запрокидывает бутылку над широко открытым ртом и... Что это?

Бутылка пуста!

— Здорово я всех разыграл, господа? А?

Полковник Спаак хохочет, он чувствует себя главной фигурой этого маленького общества.

* * *

Бутылка коньяка отнесена пловцу за счет художника, все успокоилось, и мир снова царит над маленьким суденышком, которое бодро шлепает по зеркальной воде. Идти осталось совсем немного: к наступлению темноты пароходик станет на якорь в тихом плесе, против охотничьего домика. У художника было купленное еще в Париже направление туда, его ждала охота на зверей с фотокамерой в руках, а остальных — желанные постели.

Наскоро путешественники выпили по несколько рюмок коньяку, суденышко бросило якорь, и все на шлюпке отправились к берегу. На пригорке стоял охотничий домик. Навстречу гостям выбежал хозяин, седовласый ливиец.

Отец Доменик немедленно сел за стол отведать разной дичи, зажаренной тут же, над костром.

— Господи, благослови скромную трапезу сию! — проникновенно проговорил он и добавил, не оборачиваясь:

— Господа, теперь не обращайтесь на меня внимания: когда я ем, я глух и нем!

И поплыл по гастрономическим волнам, пока часа через два не сел на мель — упал со стула, был бережно уложен хозяином на кровать и безмятежно уснул. В его душе всегда царил мир.

ПОКУПКА ДЕТЕЙ

Оставшаяся тройка, уже сильно охмелевшая, добралась до дивана, не зная точно, что же предпринять. Но хозяин уже выплыл из ночи во главе странной процессии: слуги тащили откуда-то из темноты несколько черных девочек лет по десяти, совершенно голых, толкнули их в комнату, выстроили в ряд и отошли к дверям. Однако сторожить их было не нужно: дети были полумертвы от страха. Кожа их посерела, руки повисли.

Хозяин глубоко поклонился и сказал с приятной улыбкой:

— Первосортный товар, господа! Только что из деревни. Я спешил доставить его к вашему прибытию еще горяченьким!

Он игриво ущипнул сзади одну из девочек, но та даже не заметила этого: дети во все глаза глядели на прибывших.

— Стоят недорого, я никогда не запрашиваю. Говорят, что многие это делают, но я — нет. Не в моем обычае, господа. Девочки невинные. Все до одной.

Он наклонился и быстро обошел весь ряд.

— Убедились, господа? У меня нет привычки мошенничать, я честный человек. Такой лакомый кусочек за пару сот франков — видит аллах! — это недорого, господа, причем я продаю на выбор — вот они, смотрите! В Леопольдвиле за эту цену вы девственницу не купите, разве только какую-нибудь косую или хромую. Или один скелет, господа. А здесь — любуйтесь, выбирайте, дорогие гости!

Хозяин сложил пальцы вместе и поцеловал их кончики с театрально сладострастным видом, потом отвесил глубокий поклон и деликатно отступил в тень...

ОХОТА С ФОТОАППАРАТОМ

В дверях показался новый персонаж: высокий и статный капрал с медалями на груди.

— Мусью Ванэмон кто?

— Я, капрал! — ответил ван Эгмонт.

— Сейчас будет темно. Время. Надо тебя садить в клетка пока светло.

Капрал и двое солдат обернули ноги ван Эгмонта в обрезки шкур антилопы, шерстью внутрь, чтобы не запачкать сапоги кровью, и обвязали шкуры веревками. Так же они поступили и со своими ногами. Животные были убиты недавно, но шкуры уже мерзко пахли. Художник проверил фотоаппарат, пистолет и запас осветительных патронов для фотографирования, солдаты взвалили на плечи туши зверей, и все отправились в лес.

Луна уже касалась вершин деревьев, когда они добрались до глухой опушки, к большой клетке, прочно сколоченной из бревен.

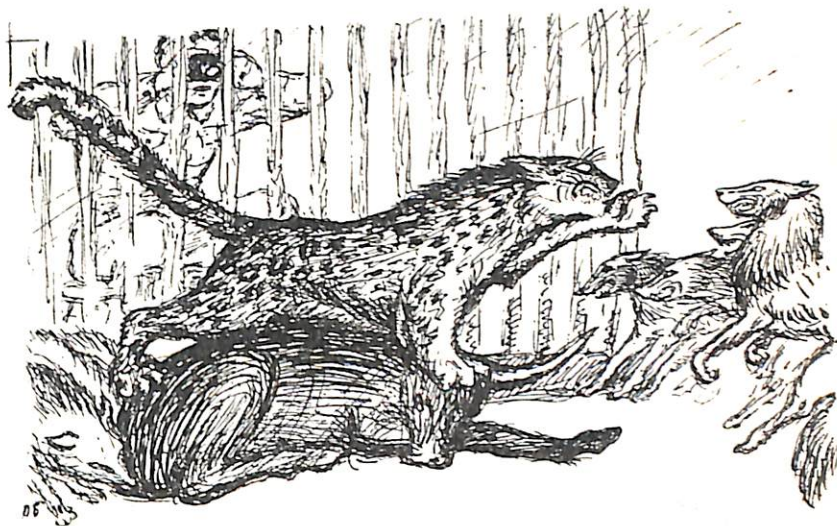
— Не бойся, мусью, клетка прочный! — сказал капрал и потряс ее. — Не провалится! И лапой леопард не достанет, только не вставай и не подходи к стенкам.

Ван Эгмонт вошел в клетку и запер за собой дверь. Солдаты втащили туши на крышу, еще раз все осмотрели, проверили, сказали «Адю, мусью!» и исчезли.

Едва их шаги стихли, как вокруг вспыхнули зеленые огоньки злобных и подозрительных глаз. Это вынырнули из чащи звери.

Луна скрылась, и наступила черная африканская ночь.

Художник сел на грубо сколоченный табурет, расстегнул кобуру и приготовился фотографировать. Голова сильно кружилась, сквозь темноту ему еще виделись испуганные лица детей. Зеленые огоньки то скрывались, то появлялись вновь. Их было много. Вблизи все было тихо, только издали, из глубин леса доносилось отвратительное рычание и вой.

Вдруг огоньки шарахнулись в стороны. В темноте ван Эгмонт почувствовал, что большой зверь бесшумно ходит вокруг клетки и обнюхивает ее.

Вдруг зверь страшно зарычал и принялся терзать туши. Несколько липких капель упало на щеки художника, и он закрыл руками лицо. Но все было предусмотрено: леопард свалил туши наземь и сам прыгнул вниз. Теперь возня была рядом, раздался торжествующий вой шакалов. Они тоже ринулись на туши и стали выхватывать мясо из-под носа леопарда.

Когда ван Эгмонт щелкнул осветителем первый раз, то все звери окаменели в естественных позах. Едва они приготовились к бегству, как свет погас и свалка началась с новой силой. Человек зажигал патроны один за другим, но разгоряченные бешеной борьбой звери только замирали на мгновение и потом с удвоенной яростью бросались на мясо и друг на друга.

* * *

Вспышки ослепительного света и слепая зеленая тьма после них, вой и рычание, бесшумная возня и треск раздираемого в клочья мяса, гнусная вонь и брызги трупной крови и бешеной пены — все это слилось в пьяной голове художника в невообразимую мешанину. «Вот она, Африка! О, если бы я это знал, покупая в Париже талон сюда, в «девственное сердце Африки!» — повторял себе ван Эгмонт, пьяно улыбаясь. Он сел на землю, расставил ноги, поставил между ними табурет, положил на него пистолет, а на пистолет — руки и голову, исполнил пару раз любимую песенку полковника Спаака «На моем жилете восемь пуговиц» и так и заснул сидя.

Но в его душе не было мира. Художнику снились беспокойные, настоящие африканские сны: серые от страха маленькие девственницы по двести франков за штуку и яростно оскаленные морды зверей, покрытые кровью и пеной.